

МЕНЖУЛИН В. П. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

МЕНЖУЛИН Владимир Платонович, родился в 1868 в Острогожске Воронежской губ. В 1890 — окончил Московский университет, преподавал в народных школах, с 1893 — служил в Казенной Палате в Воронеже, с 1920 — преподавал в школе-семилетке в селе Ястребовка Старо-Оскольского округа. Женат, в семье — двое детей. 16 марта 1931 — арестован как «участник контрреволюционной организации». 5 июня приговорен к 5 годам ИТЛ¹ с последующей заменой на высылку у Сибирь и отправлен в Новоильинку Колпашевского района Нарымского края.

12 октября 1931 — обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

«Октября 12 дня 1931 года.
Новоильинка Колпашевского района
через гор<од> Томск.

Гражд<анке> Е<катерине> П<авловне> Пешковой

Адм<инистративно> ссыльного
бывшего учителя Владимира
Платоновича Менжулина

Просьба

Окончив Московский университет в 1890 <году> одновременно с моими товарищами-филологами — Мих<аилом> Ник<олаевичем> Покровским (профессор, коммунист), академиком М. М. Богословским, Н. Л. Рожковым, Г. Н. Шмелевым, что вышли из школы знамен<итого> историка В. О. Ключевского, я в течение 3 лет учительствовал в народных школах Воронежской и Рязан<ской> губерний, затем 27 лет работал в Казенной Палате в Воронеже, и податной инспекции на Урале, а последние 10 лет в Ястребовской школе-семилетке Старо-Оскольского округа <нрзб.> работал, преподавая немецкий, русский язык и географию.

Став инвалидом II группы, я по решению Воронежской Страх<овой> Комиссии стал получать пенсию по 60 р<ублей> 11 к<опеек> в месяц, продолжая педагогический труд в селе Ястребовке, т<ак> к<ак> люблю крест<янских> детей, будучи сам сыном кр<естьяни>на из Острогожска Воронежской губ<ернии>. Пенсию свою я получал 2 года с 1 июля 1929 г<ода> по 1 июля 1931 года.

У меня семья — жена (дочь кр<естьянина>), сын и дочь, но жена нигде не служит, ей 50 лет, слаба здоровьем, сын, дочь учатся, средств к жизни никаких, семья на квартире бедствует со дня моего ареста 16 марта 1931 года.

По зависти и злобе моих партийных товарищей-педагогов в Ястребовской школе, по доносу их и клевете Старо-Оскольский Опер<ативный> сектор ГПУ обвинил меня в агитации (ст<атья> 58 п<ункт> 10, 11 Уголов<ного> Кодекса), агент уголовного розыска 16 марта 1931 года произвел у меня в квартире обыск, забрал у меня 28 рабоч<их> ученич<еских> тетрадей, в том числе мои стихотворения и доклады (на учительских собраниях). И вот с этого злополучного дня я становлюсь обитателем Старо-Оскольской тюрьмы, а затем местный ГПУ постановил выслать меня в ссылку на 5 лет в Нарымский край за какие-то неведомые

¹ Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.

мне преступления, а при ст<атье> 58 мне прописали за <нрзб.> 4 года, числюсь в списке об<ществ> краеведов чисто номинально.

Член ГПУ тов<арищ> Омелин допрашивал меня по ночам, что-то очень много писал в своем следств<енном> акте, потом, не читая его мне, предложил подписать протокол, что я исполнил беспрекословно, доверяя его корректности, что все написано согласно моему отзыву и показаниям. По окончании допроса тов<арищ> Омелин сказал мне, что на меня будет наложено маленькое наказание, но вместо этого обещания спустя 3 месяца мне неожиданно вместо ожидаемого освобождения от тюрьмы и возвращения к семье объявляют 8 июня вечером жестокою кару, мной вовсе незаслуженную после 40 лет службы родине — пять лет высылки в Новосибирск, а вместо дома — в страшнейшую глушь сибирской тайги, среди болот, за 300 верст от г<орода> Томск в дер<евню> Новоильинку. На другой день, едва успев проститься в течение 10 минут с женой и дочерью, я 9-го июня был сопровожден этапом в Воронеж, скитался 2 месяца по тюрьмам Сибири, пока, наконец, испытывая голод, унижения и оскорбления конвоиров достиг конечного пункта — Новоильинку.

Умоляю Вас, дорогая Е<катерина> П<авловна>, помогите мне чем можете, я с тех пор в кармане не носил весточки от жены с детьми уже 3 месяца, сейчас страшно нуждаюсь, проедаю последнюю одежду, белье, жена хоть тоже бедствует, посылает мне денежную помощь. Я с отчаяния наложил бы на себя руки <нрзб.>... Хочу просить ВЦИК об амнистии, а Вас умоляю придти мне на помощь материально и содействовать успеху моего ходатайства во ВЦИК.

Ваш покорный слуга и учитель
В. Менжулин

Р. С. Если Вы, уважаемая Е<катерина> П<авловна>, верите тому, что В. И. Ленин хотел добра русскому народу, если Вы желаете спасти меня от голодной смерти, то будьте добры выслать мне по телеграфу какую-либо сумму денег в помощь. Будьте добры выписать для меня газет и журналов на 2 месяца. В. М.

Р. С. С. При этом посылаю Вам мои стихотворения»².

«Стихотворения
Влад<имира> Платон<овича> Менжулина

За что?

С семьей родною разлучили,
В Сибирь далеко увезли.
Скажи, ОГПУ, тебе ль твердили,
Как паутину, ложь сплели.

Недобры люди? Постарались
Меня безжалостно сгубить,
В тюрьму упрятать; удивлялись,
Кто знал меня, за что судить.

За то ль невинно я страдаю,
Тоскую долго день и ночь,
Что службы 40 лет кончаю;

Не был я в жизни агитатор,
Я пролетарий родом был,
Крестьянский сын – не спекулятор,
Студент московский бедно жил.

Последних 10 лет учитель,
Крестьянских деток я учил;
Писал стихи; руководитель,
Газете школьной верен был.

Местком зачислил активистом,
Меня одобрил, не хулил.
За что же ОГПУ я ненавистен,

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 571. С. 121. Автограф.

Трудиться больше мне не в мочь.

Под суд суровый угодил?

12 лет служил Советам,
Народной власти верен был.
ОГПУ поверил злым наветам,
И вот я в ссылку угодил.

О, возврати ж к семье родимой,
Мою ты старость пощади!
Молю тебя, о, ВЦИК наш чтимый,
От зла людского защити.
В. Менжулин.

О, ВЦИК, верховный страж закону,
Добра и милости родник,
Не верь хоть ты лжи гнусной звону,
К тебе взывает мой язык.

28/IX - 1931 г<ода>.

с<ело> Новоильинка Колпашевского района, Томского округа»³.

14 лет Октября

В даль туманную умчались
Уж четырнадцать годов
Сам народ собою правит
Чрез излюбленных голов.

Сельсоветы, райсоветы
Правят нашею страной;
Стали сыты и одеты
Бедняки. Стал мир иной.

Скоро все так изменилось:
Сгибла наша старина,
Церкви в склады обратились,
У купцов нет ни зерна.

Колупаев, Разуваев
Наживали барыши;
Их амбары стали пусты,
Слезы льют купцы в тиши.

Где ни взглянешь, всюду девы
Ходят в юбках, что в штанах:
Узки коротки наряды,
Бант не носят в волосах.

Волос долог был у бабы,
Ум короток, пели мы;
А теперь все девы, дамы
Кос не носят, вьют чубы.

Как Москва переменялась,
Просто чудо – город стал!
Небоскребы в ней явились,
Все поют Национал.

Где в давнишние денечки
Всё стояли кабаки,
Во сегодняшних денечки
Просветились вахлаки.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 571. С. 123. Автограф.

Рать неграмотных растает,
Станут светлыми умы;
Сеть колхозов прочно станет,
Всех богаче будем мы.

13/Х – 1931 г<од>. В. Менжулин.

Стих — "14 лет Октября" — посвящаю Вам, Е<катерина> П<авловна>, и прошу, если будет возможно, поместить в каком-либо журнале»⁴.

Песнь борьбы

Тысячи пали в борьбе за свободу,
Много легло их средь дыма, огня,
Чтобы вольнее жилося народу.
Знает ли кто тех борцов имена?

Пали глубоко в немую могилу
Эти герои без громких имен;
Рано сгубили их вражески силы,
Пушечный гром не развеет их сон.

Там, где насилья все цепи звенели,
Ныне свободы знамена шумят,
Лишь при царизме люди тужили,
Ныне безбедно, жить вольно хотят

Слава и честь тем борцам безымянным,
Что кости сложили в кровавом бою,
Гимном героев почтим похоронным,
Жить станем дружно в родимом краю.

13/Х – 1931 г<од>. В. Менжулин»⁵.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 571. С. 122. Автограф.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 571. С. 122. Автограф.